

© 2015 г.

Н.П. ТАТЬШИНА

ГЕРЦОГИНЯ ДОРОТЕЯ ДИНО – ALTER EGO КНЯЗЯ ТАЛЕЙРАНА

Однажды Адольф Тьер, известный французский политик, “подвижный как ртуть”, по словам Гейне, заявил своему не менее искушенному коллеге, одному из самых выдающихся французских дипломатов Шарлю-Морису Талейрану: “Князь, вы всегда говорите мне о женщинах, а я предпочел бы говорить о политике!” И услышал в ответ: “Но ведь женщины и есть политика!” Князь не лукавил: особы прекрасного пола играли важную роль и в его личной, и в его общественной жизни. “Пускать вперед женщин!” – таким лозунгом он руководствовался не раз на протяжении своей политической карьеры, но при этом всегда следовал “золотому мужскому правилу”: никогда не превращаться в игрушку в женских руках.

Современные исследователи полагают, что отношения Талейрана с женщинами носили главным образом платонический характер и его общепринятый образ известного волокиты является не чем иным, как художественным вымыслом. Талейрану действительно нравились женщины, он любил их, особенно смысленных, хорошеньких и словоохотливых. Однако в эпоху свободы мысли и любви князь предпочитал, чтобы женщины доставляли ему удовольствие в салоне, а не в опочивальне.

И все-таки была в его жизни женщина, ставшая для него чем-то гораздо большим, нежели просто украшением салона. Она занимала исключительное место среди его подруг и поклонниц и на протяжении последних 24 лет жизни князя являлась его неизменной спутницей, политическим помощником, советником и личным секретарем. Имя этой женщины – Доротея де Дино¹, герцогиня Курляндская. Внучка Эрнеста Иоганна Бирона, всевластного фаворита российской императрицы Анны Иоанновны, Доротея, наделенная не только редкой красотой и пылким темпераментом, но также острым умом и завидной проницательностью, была одной из выдающихся женщин своей эпохи.

Личность Доротеи Дино, конечно, не могла быть обойдена вниманием историков. Исследователи жизни великого дипломата, как правило, с неизменным восхищением описывали Доротею, подчеркивая ее безусловно важную роль в жизни князя. В зарубежной науке существуют и исследования, посвященные непосредственно жизни герцогини Дино². Одна из последних работ – книга французской исследовательницы Мишелин Дюпюи “Доротея Дино. Эгерия Талейрана, герцогиня Курляндская”, основанная на обширной источниковой базе, включающей латвийские, польские, чешские

Татьянина Наталия Петровна – доктор исторических наук, профессор Московского государственного педагогического университета.

¹ Графиня Перигор (1809 г.), герцогиня Дино (1817 г.), герцогиня Талейран (1838 г.), герцогиня Саган (1845 г.).

² *Bernardy F. de. Le dernier amour de Talleyrand. La duchesse de Dino. Paris, 1956; Ziegler P. The Duchess of Dino. Chatelaine of Europe. London – New York, 2003; Kermina F. Les Dames de Courlande. Égéries russes au XIXe siècle. Paris, 2013.*

и немецкие архивные документы и являющаяся подробным изложением основных фактов биографии Доротеи³.

Внимание к жизни Доротеи Дино вызвано не только ее близостью к самому знаменитому французскому дипломату. Интерес вызывает неординарная и яркая личность самой Доротеи, особенно с учетом ее связей в тогдашних европейских политических кругах. Конечно, круг общения Доротеи ограничивался светом и салоном, но в то время салон и политика являлись категориями нераздельными; салон представлял собой пространство политическое. Круг светских знакомств Доротеи был необычайно разнообразен, его составляла политическая и интеллектуальная европейская элита XIX столетия. Эпистолярный жанр и мемуаристика переживали тогда период настоящего расцвета, и личность прекрасной курляндки нашла освещение на страницах многочисленных воспоминаний и дневников ее современников. Да и сама Доротея оставила историкам богатое документальное наследие в виде “Хроники”, охватывающей 1831–1862 гг., т.е. время начиная с ее пребывания вместе с Талейраном в Лондоне, где он занимал пост посла, и до смерти герцогини в замке Саган.

Этот документ – описание не только жизни Доротеи, но и целой эпохи, главных событий европейской политики того времени. “Хроника” включает письма герцогини Дино французскому дипломату Адольфу де Бакуру, которому она завещала весь архив Талейрана и собственную переписку. После смерти Дино Бакур передал письма герцогини ее внучке, княгине Радзивилл, и та опубликовала их в 1908 г. в четырех томах. В предисловии княгиня Радзивилл весьма лаконично, но точно и с теплотой охарактеризовала личность своей знаменитой бабушки: “Место, которое герцогиня Дино занимала в европейском обществе первой половины прошлого (XIX. – *Н.Т.*) века, слишком хорошо известно, чтобы напоминать здесь об этом. Ее привлекательность, как и ее дарования, были равным образом редкими. Но не менее важным, хотя и менее известным было ее моральное воздействие на окружавших ее людей”⁴. Действительно, моральные качества Доротеи отмечали как ее современники, так и исследователи. М. Дюпюи подчеркивала, что “в отличие от большинства знаменитых Эгерий своего времени герцогиня Саган не была интриганкой”⁵.

* * *

Мать герцогини Дино, Анна-Шарлотта-Доротея, происходила из древнего прибалтийского рода фон Медемов, основателей Митава, столицы Курляндии⁶. Она была на 37 лет моложе своего супруга герцога Петра Курляндского, сына Эрнеста Иоанна Бирона. Доротея фон Медем стала третьей женой герцога (с двумя предыдущими он развелся). Этот брак, в отличие от первого и второго, оказался для него удачным. У супругов родилось шестеро детей – пять девочек и один мальчик; правда, двое детей умерли во младенчестве. Доротея стала последним ребенком в семье. У нее было три сестры: Вильгельмина, Полина и Жанна.

Доротея родилась 21 августа 1793 г. в Берлине, куда семья переехала в связи с событиями, связанными с разделом Польши. Она появилась на свет в доме номер 7 по знаменитой улице Унтер-ден-Линден, во дворце Фридрихсфельд, построенном королем Фридрихом II для своей сестры Амалии. Этот дворец герцог Курляндский купил у принца Августа-Фердинанда Прусского, брата короля Фридриха II. Известный как Курляндский дворец, впоследствии он стал собственностью Доротеи Дино.

³ Dupuy M. La Duchesse de Dino, égérie de Talleyrand, princesse de Courlande. Paris, 2002. Эгерия – в древнеримской мифологии нимфа-прорицательница, жена римского царя Нумы Помпилия, его советница в делах организации религиозной жизни в Древнем Риме и наставница в законодательской деятельности.

⁴ Dino D. Chronique de 1831 à 1862, т. 1–4. Paris, 1909–1910; т. 1.

⁵ Dupuy M. Op. cit., p. 9.

⁶ Ныне Элгава, Латвия.

Положение семьи изменилось после официального оформления раздела Польши, происшедшего 23 сентября 1793 г. 17 марта 1795 г. герцог Курляндский подписал в Петербурге акт отречения от своих владетельных прав, а принадлежавшие ему земли и дворцы стали собственностью российского государя. В качестве компенсации герцогу причиталось 8 млн франков, пенсия в 250 тыс. франков и наследство для его жены. Кстати, в одном из дворцов герцогов Курляндских в Митаве в 1798 г. проживал эмигрировавший из Франции граф Прованский, брат казненного короля Людовика XVI, будущий король Франции Людовик XVIII. Герцог Курляндский предоставил ему аванс в 400 тыс. золотых флоринов в дополнение к пенсии в размере 2 тыс. рублей в год, пожалованных императором Павлом I⁷.

Поскольку обещанные российским правительством деньги так и не были получены, спустя несколько лет после подписания акта об отречении герцогиня Курляндская, к тому времени уже вдова⁸, отправилась к императору Александру I хлопотать о компенсации. Миссия оказалась успешной, и ее дочери стали богатейшими наследницами Европы. Семья перебралась в замок Саган, расположенный на территории Польши. Родовое имение герцогини Курляндской Межотне (недалеко от г. Бауска в Латвии) с осени 1795 г. было передано графине Шарлотте Карловне Ливен, гувернантке сыновей Павла I, будущих императоров Александра I и Николая I. Шарлотта Карловна была матерью Христофора Андреевича Ливена, генерал-адъютанта и военного министра Павла I, мужа Доротеи Бенкендорф, больше известной под именем Дарьи Христофоровны Ливен.

Оказавшись в начале 1790-х годов в Берлине, герцогиня Курляндская окунулась в придворную жизнь, покорила своей красотой и очарованием королевскую семью Пруссии. Одна из племянниц короля, принцесса Луиза, княгиня Радзивилл, стала крестной Доротеи, а другом ее детских игр был будущий король Пруссии Фридрих-Вильгельм IV. Доротея-старшая больше была занята своими любовными похождениями, нежели воспитанием дочери (старшие ее дочери жили отдельно). Летом герцогиня путешествовала, зимой предавалась светским развлечениям. Даже когда мать и дочь обитали под одной крышей, они редко виделись в течение дня. Девочка, по ее собственным словам, считала себя “самым несчастным ребенком”. Напомним, что и у Талейрана сохранились печальные воспоминания о его одиноком детстве, и он всю жизнь ощущал себя недолюбленным родителями, которые увлеченно строили карьеру при дворе Людовика XVI.

Доротея получила домашнее образование, она знала французский, немецкий и английские языки. Ее наставником был флорентийский иезуит аббат Сципион Пиаттоли, в свое время воспитатель наследника польского престола князя Адама Чарторыйского⁹. Не меньшее влияние на воспитание Доротеи оказал также граф Александр Батовский, камергер польского короля Станислава Августа Понятовского (1764–1795 гг.), королевский комиссар в Польше и Курляндии. Современники, да и некоторые историки, в частности Франсуаза де Бернарди, считали Батовского настоящим отцом Доротеи¹⁰. Так или иначе, искусный политик, друг князя Талейрана, он сыграл важную роль в жизни Доротеи.

Судьба свела уже опытного дипломата Талейрана и юную красавицу Доротею в то время, когда Франция воевала с европейскими коалициями, а Талейран служил Наполеону I, находясь в “деловых” отношениях и с Александром I. Именно к рос-

⁷ *Дирю М.* Op. cit., p. 53.

⁸ Герцог Курляндский умер 13 января 1800 г.

⁹ Именно Пиаттоли во время своей поездки в Петербург в 1804 г. сосватал юную Доротею Адаму Чарторыйскому, тогда министру иностранных дел Александра I. Князь был старше Доротеи на 23 года.

¹⁰ Как пишет исследовательница, герцог Курляндский спокойно отнесся к связи его жены с Батовским. Более того, половину года герцогиня проживала с Батовским, а вторую половину года – в Сагане с мужем и дочерьми. – *Bernardy F. de.* Op. cit., p. 11–12.

сийскому императору князь обратился с просьбой личного характера: выступить в роли свата его племянника Эдмона де Перигора, в то время капитана французской армии, адъютанта генерала Доменико Пино – военного министра Наполеона на территории итальянских государств. Когда Талейран был в Варшаве, Батовский рассказал ему о герцогине Курляндской и ее дочери, и князь посчитал, что это вполне подходящая партия для его племянника Эдмона: семья с крепким генеалогическим древом, обширными владениями в России и Пруссии, да и сама невеста очаровательна!

После поражений прусской армии под Йеной и Ауэрштедтом, когда королевская семья спешно бежала из Берлина, герцогиня Курляндская тоже покинула столицу Пруссии и вместе с дочерью и гувернанткой отправилась через Кёнигсберг в Митаву. Там 30 мая 1807 г. произошла ее встреча с императором Александром I: по дороге в Мемель государь остановился на три дня в Митаве, дабы нанести визит вежливости графу Прованскому. Посетил он и Лобихау¹¹, имение герцогини Курляндской. Герцогиня и ее дочь являлись теперь подданными русского царя, и он обладал сеньориальным правом решать, кому и на ком жениться в титулованных домах своей империи. Государь прибыл не один, а в сопровождении Адама Чарторыйского. Доротея наконец-то увидела царя, о котором ей часто рассказывала ее мать, и, главное, своего жениха Чарторыйского.

Александр провел в Лобихау семь часов. В разговоре он очень галантно вышел на персону племянника князя Талейрана, также находившегося в Митаве в распоряжении Армана де Коленкура, французского дипломата, доверенного лица Наполеона I. Герцогиня, повидавшая жизнь и равнодушная к Франции, не только одобрила выбор государя, но даже отнеслась к нему с определенным энтузиазмом, уже рисуя в своем воображении великолепные дворцы и салоны Талейрана во Франции.

Однако дочь восприняла решение царя и матери совершенно иначе. Она была влюблена в Чарторыйского и считала себя связанной с ним словом. Тогда по нескольким “каналам” ей подбросили сообщение из Варшавы о якобы объявленной свадьбе Адама с другой молодой особой. Это была ложь, но Доротея поверила и, посчитав себя свободной от данного слова, согласилась на брак с Перигором.

Свадьба состоялась 23 апреля 1809 г. во Франкфурте-на-Майне. Много лет спустя Доротея писала: “Я полагаю, что он не любит меня, но ему лестно на мне жениться. Я верила, что по отношению ко мне он будет не безразличным, но внимательным; большего мне и не требовалось”¹². Молодые пробыли вместе четыре дня, а потом счастливый и гордый Эдмон отбыл на службу в действующую армию. Доротея же с матерью отправились в Париж, где их ждал Талейран.

В столицу Франции они приехали 4 мая. Доротея не оставила никаких письменных свидетельств о том впечатлении, которое произвел на нее Париж. Сначала мать и дочь обосновались в отеле на улице Гранд-Бателльер, приобретенном Эдмоном незадолго до свадьбы. В 1806 г., во время своего первого посольства в Париже, этот дом занимал князь Клеменс фон Меттерних, а в годы Июльской монархии здесь обоснуется знаменитый Жокей-клуб, один из центров тогдашней светской жизни.

Если брак не принес особой радости Эдмону, то, по крайней мере, осчастливил его дядю. Хотя при первом знакомстве Талейран не успел как следует рассмотреть ни герцогиню, ни ее дочь, вскоре эти женщины наполнили его жизнь новыми эмоциями и навсегда вошли в его судьбу. Красивая, стройная, жизнерадостная, интеллектуально искушенная, страстная поклонница музыки, танцев и верховой езды, герцогиня Курляндская очаровала Талейрана, располневшего, со все более заметной хромотой 50-летнего мужчину. Может быть, впервые в жизни бывший епископ Отенский полюбил по-настоящему. Герцогиня, заинтригованная его имперским статусом, преисполненная интеллектуальными и политическими устремлениями, свободная в тот момент

¹¹ Ныне территория Германии.

¹² Цит. по: *Duroy M. Op. cit.*, p. 116.

от наскучивших ей поклонников, ответила взаимностью. С этих пор и до своей смерти в 1821 г. она была очень близким для князя человеком.

К племяннице Талейран вначале относился так, как и подобает дяде. Однако со временем между ними возникло нечто большее, чем обычные родственные чувства, то, что сделало Доротею его ангелом-хранителем, попечительницей и в домашних, и в государственных делах. Доротея очень быстро освоилась в новом окружении, ей понравилась салонная культура и язык царственного дяди. Светское воспитание шло без помех: Эдмон вернулся в Великую армию и продолжал вести холостяцкий образ жизни, больше увлеченный войной, игрой и другими женщинами, нежели собственной женой. Когда Людовик XVIII произвел его, не без содействия Талейрана, в бригадные генералы, Эдмон стал еще реже проводить время с Доротеей. Тем не менее у них родились трое детей: 12 марта 1811 г. – сын Луи-Наполеон, герцог де Талейран-Перигор (его крестными родителями были император Наполеон и императрица Мария-Луиза); в 1812 г. – дочь Доротея, прожившая два года и умершая за четыре месяца до отъезда герцогини Перигор в Вену; а 15 декабря 1813 г. на свет появился Александр-Эдмон, герцог де Дино. Но отчужденность между супругами со временем дошла до такой степени, что казалась необратимой.

Венский конгресс 1814–1815 гг., вершивший судьбы послевоенной Европы, стал знаковым событием в жизни Доротеи. Поверженную Францию на конгрессе представлял князь Талейран, отправившийся в Вену не в сопровождении жены¹³, а в компании с племянницей, о которой писал: “Своим возвышенным умом и тактом она могла привлечь внимание и нравиться и этим была мне очень полезна”¹⁴.

В ночь с 23 на 24 сентября Талейран и Доротея, впервые надолго оставившая своих сыновей, младшему из которых было всего лишь несколько месяцев, прибыли в Вену и разместились в когда-то великолепном, но уже обветшалом дворце Кауница – канцлера Марии-Терезии, Иосифа II и Леопольда II. Появление Доротеи в Вене вместе с князем символизировало ее разрыв с мужем. Ни Талейран, ни Доротея еще не были разведены и своих супругов оставили в неведении относительно совместной поездки в Вену. Нередко подобная связь оборачивалась скандалом в высшем обществе, но в данном случае венский императорский двор безмолвствовал, понимая, что от репутации именитого дипломата зависит слишком многое.

В Вене Талейран и Доротея, составляя диковинную пару, возбуждали всеобщее любопытство, что являлось дополнительной причиной постоянного наплыва гостей во французскую дипломатическую миссию. По вечерам князь давал приемы, на которых хозяйничала прелестная Доротея. В Вене с ней произошла метаморфоза: она превратилась в настоящую светскую даму. Темноволосая, черноглазая, воздушная, она стала любимицей высшего общества Вены. Доротея танцевала, вела балы; ей улыбались монархи, ею увлекались принцы, и она увлекалась ими¹⁵. Однако каждое утро она приходила к Талейрану, присаживалась на краешек кровати и говорила с ним не только о домашних делах, но и о проблемах конгресса.

До конца своих дней Доротея сохранит воспоминания об этом периоде, определившем всю ее дальнейшую жизнь. “Вена. Вся моя судьба заключена в этом слове, – записала она 18 июня 1841 г. – Здесь началась моя жизнь, посвященная г-ну Талейрану, здесь сформировалась единственная, уникальная связь, которую могла разрушить только смерть... В Вене я впервые познала вкус этой докучливой, хотя и опьяняющей славы, более утомительной, чем лестной”¹⁶.

¹³ Брак с Катрин Гран, дочерью капитана торгового порта, родившейся в Индии, необычайно красивой женщиной, был заключен в 1802 г. Однако Катрин так и не смогла стать своей в изысканном аристократическом обществе. Супруги окончательно расстались после Венского конгресса.

¹⁴ *Duruy M. Op. cit., p. 171.*

¹⁵ В 1816 г. у Доротеи родилась дочь Мария-Генриетта Дессаль (ум. 1905). Ее отцом считается граф фон Клам Мартиник, роман с которым развивался на Венском конгрессе.

¹⁶ *Duruy M. Op. cit., p. 176.*

После возвращения из Вены Доротея окончательно обосновалась в особняке Талейрана на улице Сен-Флорантен на правах хозяйки. По решению суда о раздельном проживании Талейран предоставил своей супруге Катрин великолепную виллу в Отее, на западной окраине Парижа.

Со времени сближения с Доротеей ни одно другое женское имя уже не упоминалось рядом с именем Талейрана. Казалось бы, безнадежно разделенные возрастом (князь был старше на 39 лет), биографиями, жизненным опытом, вместе они пробыли почти четверть века. Два сильных разума и два честолюбия неповторимо дополняли друг друга. Прозорливый ум дипломата с его почти женской изворотливостью и гибкостью вызывал постоянный интерес молодой женщины, а его взвешенная медлительность компенсировалась ее живостью.

Венский конгресс, как известно, не ознаменовал начала нового взлета карьеры Талейрана. И хотя 9 июля 1815 г. он вновь получил портфель министра иностранных дел и пост главы кабинета, занимал он эту должность недолго, всего два с половиной месяца.

За услуги, оказанные Франции, 31 августа 1817 г. Талейран получил от Людовика XVIII титул герцога, а 2 декабря стал обладателем герцогства Дино (острова вблизи Калабрии), дарованного королем Сицилии в знак признательности за помощь на конгрессе. Князь передал титул герцога Дино племяннику, так что Доротея и ее супруг стали герцогами Дино. С 24 марта 1818 г. Доротея начала жить отдельно от мужа, хотя формально их брак был расторгнут лишь 6 ноября 1824 г.

После отставки князь удалился в частную жизнь. 3 июля 1820 г. он вместе с Доротеей покинул Париж и отправился в свое поместье Валансе, подаренное ему Наполеоном еще в 1803 г. и сделавшее его крупнейшим земельным собственником Франции. Отъезд из Парижа для Доротеи был весьма кстати: 29 декабря 1820 г. она родила дочь Полину. Как обычно, пошли разговоры об отцовстве Талейрана, тем более что он проявлял к девочке живой интерес с самого ее рождения. Однако Эдмон никогда не сомневался, что отцом является именно он¹⁷. Летом 1821 г. в Валансе по уже заведенному обычаю приехала герцогиня Курляндская. Еще в дороге она почувствовала себя неважно, а уже 20 августа в Валансе ее не стало.

Доротея оказалась весьма способной ученицей своего многоопытного наставника. Так же, как и Талейран, она сделалась крупной земельной собственницей. В 1828 г. за 400 тыс. франков, очень значительную по тем временам сумму, она купила замок Рошкотт в департаменте Эндр и Луара¹⁸. Продолжая и дальше заниматься выгодными сделками с недвижимостью, в 1837 г. Доротея продала Курляндский дворец в Берлине на Унтер-ден-Линден российскому императору Николаю I.

Частыми гостями замка Рошкотт были А. Тьер, В. де Брой, П. Руайе-Коллар, сосед Талейрана по Валансе, и Оноре де Бальзак. А перед революцией 1830 г. Рошкотт стал центром либеральной оппозиции.

Спокойная, размеренная жизнь в Валансе была прервана событиями июля 1830 г. Как и в Рошкотте, в Париже салон Доротеи Дино сделался центром либеральной и антидинастической оппозиции. Во время опубликования ордонансов Карла X, нарушивших Хартию 1814 г., Талейран находился в своем великолепном особняке на улице Сен-Флорантен. 27 июля в столице вспыхнула революция.

В результате “трех славных дней”, как французы именуют события Июльской революции, во Франции был установлен новый политический режим – Июльская монархия (1830–1848 гг.) во главе с королем Луи Филиппом, герцогом Орлеанским, главой младшей ветви династии Бурбонов.

¹⁷ В 1825 и 1827 гг. у Доротеи родились Антонина и Жили, отцом которых называют Теобальда Пискатори, приемного сына известного политического деятеля Антуана-Пьера Пискатори.

¹⁸ 17 августа 1847 г. герцогиня Дино подарила этот замок дочери Полине, вышедшей в 1839 г. замуж за маркиза Анри Каstellана. Он скончался в Рошкотте в октябре 1847 г.

Основная задача Луи Филиппа, получившего трон в ходе революции, заключалась в том, чтобы уверить европейских монархов в миролюбии Франции и отсутствии у нее экспансионистских замыслов. Ставка делалась прежде всего на установление “сердечного согласия” с Великобританией, в рамках которого Франция надеялась восстановить свои позиции в Европе. Исходя из этих соображений, именно опытному Талейрану, давнему стороннику франко-английского сближения, Луи Филипп решил доверить пост посла в Лондоне. Король прервал затянувшийся досуг 76-летнего князя в Валансе и просил его в очередной раз потрудиться на благо Франции. Однако старый дипломат, прежде чем согласиться на эту должность, заставил долго себя упрашивать. Конец его колебаниям положила Доротея, которой очень хотелось поехать в Лондон, где она рассчитывала играть более активную роль в политической жизни¹⁹. Через месяц с небольшим после Июльской революции Европа с изумлением узнала, что Талейран назначается послом Франции в Великобритании. В Лондон он отправился, конечно же, в сопровождении Доротеи.

22 сентября князь покинул Париж, а через два дня сошел на английский берег. Там его встретил торжественный гром пушек, паливших из Дуврской крепости. Картина представляла собой разительный контраст с первым, еще революционных времен приездом посла Талейрана в столицу Англии. Тогда лондонцы встретили французского посла злым шепотом, бывало, поносили его во всеуслышание и даже показывали на него пальцем! Теперь толпы народа бежали за каретой по улицам Лондона с криками: “Да здравствует Талейран!”. 30 сентября в Англию прибыла Доротея.

Сначала они обосновались на Портланд-плейс, 50, в особняке, где в 1821 г. проживал Ш.-Р. де Шагобриан, тогдашний посол Франции, потом переехали в Вестминстер, на Ганновер-сквер, 21, в большой отель начала XVIII в. Отель принадлежал герцогу Девонширскому, и там в свое время проживали английский министр лорд Грей и Х.А. Ливен с супругой.

Меньше чем за две недели Талейран и Доротея сумели очаровать короля Вильгельма IV (1830–1837 гг.), его двор и столичную аристократию. Посольство в Лондоне стало столь же блестящим, как когда-то в Вене.

Осенью 1830 г. в качестве второго секретаря посольства в Лондон прибыл Адольф де Бакур. 29-летний, привлекательный и умный дипломат с легкостью вписался в тандем Талейран–Доротея. “Очень хорошенькая и столь же умная герцогиня и необычайно элегантный и не менее умный секретарь не могли не упасть в объятия друг друга. Доротея обладала даром вызывать неистовые страсти, превращавшиеся со временем в верную и неослабевающую дружбу... То, что возникло между герцогиней Дино и Адольфом Бакуром в Лондоне, продолжалось до конца их жизни”, – отмечала Дюпюи²⁰.

Вскоре посольская резиденция Франции превратилась в место самых пышных приемов и блестящих балов. Никто из представителей дипломатического корпуса не пользовался в то время столь разноплановой, но неизменно огромной популярностью в самых разнообразных слоях английского общества, как Талейран. Следуя своей традиции застольной дипломатии, князь устраивал обильные званые ужины. Затраты на удовлетворение потребностей в еде и вине высшего общества Лондона оказались разорительными – на приемы уходило гораздо больше денег, чем в Париже. Доротея писала Просперу де Баранту, в 1835 г. получившему назначение на посольский пост в Петербург: “Наша жизнь здесь замечательна. Здесь все превосходно, кроме климата...

¹⁹ По словам А. де Буань, хозяйки влиятельного литературно-политического салона в Париже в годы Реставрации и Июльской монархии, была еще одна причина, по которой Доротея стремилась уехать из Франции: она хотела прервать затянувшуюся и надоевшую ей любовную связь с Пискатори. – *Voigne É.-A. Mémoires de la comtesse de Voigne*, t. 1–2. Paris, 2005; t. 2, p. 513.

²⁰ *Dupuy M. Op. cit.*, p. 266.

наши обеды имеют успех. Они являются эпохой в гастрономии Лондона, но очень разорительны... Здесь всё, за исключением хлопка, втрое дороже, чем в Париже”²¹. Через сестру короля Луи Филиппа Аделаиду, имевшую на него больше влияния, чем министры, Дино добилась увеличения финансовой поддержки из Парижа.

Блистательная Доротея была подлинным украшением резиденции в Вестминстере. В Лондоне она чувствовала себя гораздо свободнее, чем в Париже. Можно даже сказать, что она ненавидела Париж, поскольку там ей всегда давали понять, что она иностранка. Такова была драма ее жизни: везде, где бы она ни жила, она ощущала себя чужой: при прусском дворе ее считали француженкой, в Париже – немкой. Доротея, которой в это время исполнилось 37 лет, была необычайно хороша собой, умна и остроумна. По словам французского историка Э. Варекеля, “в ней пленило сочетание редкой и немного мистической красоты, почти юношеской наивности, немецкого идеализма, политических амбиций и любовных страстей”²². По мнению исследователя, Доротея царствовала не только во французском посольстве, но и в душе своего дяди-посла, а также в лондонском свете и политике²³.

Действительно, в английской столице Дино выполняла как светские, так и весьма непростые политические функции доверенного лица при французской королевской семье, фактической жены посла и его личного секретаря, тайного агента, ответственного за особо доверительные задания. Она находилась в постоянной переписке с “серым первосвященством” короля Луи Филиппа – его сестрой Аделаидой, информировала о событиях Адольфа Тьера, ставшего министром. Эта переписка имела важную особенность: она содержала сведения, которые Талейран не мог передавать по официальным каналам.

Широкие связи Дино распространялись не только на дипломатический корпус и английские политические круги. Она была частой гостьей на устраиваемых королем Вильгельмом IV “Drawing-room”, так называемых гостиных. Одной из ее ближайших подруг стала супруга российского посла в Лондоне князя Ливена Дарья Христофоровна. Между этими столь разными, но очень незаурядными и умными женщинами на долгие годы установились отношения полудружбы-полусоперничества. Их переписка продолжалась вплоть до смерти княгини Ливен в 1857 г.

Если княгиня Ливен, по сути, сама являлась послом России, лучше мужа справляясь с его обязанностями, то Доротея Дино полностью посвящала себя политическому и дипломатическому успеху Талейрана. В отличие от княгини Ливен, озабоченной прежде всего тем, как исполнить волю императора Николая I, а не собственного мужа, Дино была исполнительницей воли Талейрана, в некотором роде его послом. Она очень хорошо понимала ход мыслей князя и поэтому с первых дней пребывания в Лондоне редактировала наброски его писем, речей и выступлений. 6 октября, в день вручения верительных писем Вильгельму IV, Талейран попросил ее сделать набросок краткой речи, с которой он должен был обратиться к Вильгельму. Весьма удовлетворенный текстом Доротеи, он лишь слегка его подкорректировал.

2 ноября князь Талейран и Доротея присутствовали на открытии парламентской сессии в Вестминстерском дворце. Им было весьма лестно услышать от короля добрые слова в адрес “новых французских суверенов” и заявление о том, что союз с Францией является лучшим залогом мира и стабильности в Европе. Это было именно то, чего желало французское правительство, именно к этому стремился и Талейран.

Едва вернувшись в посольство, Доротея взялась за перо, чтобы информировать сестру Луи Филиппа об оказанном им приеме. «Когда появилась карета посла Франции, – писала она, – раздались крики: “Луи Филипп навсегда!”, “Нет Карлу X!”... Многократно кричали: “Да здравствует Талейран!”». Когда же в сопровождении сви-

²¹ Цит. по: *ibid.*, p. 259.

²² *Memoires et correspondences du prince de Talleyrand*. Par E. de Waresquiel. Paris, 2007, p. XIII.

²³ *Ibidem*.

ты с трехцветной кокардой появилась я, толпа начала скандировать: “Французская леги!” – а крики “Виват!” сопровождали меня на всем пути”²⁴.

В это время в Лондон с визитом собрался старший сын Луи Филиппа, герцог Фердинанд Орлеанский. Талейран и Дино тщательно приготовились к приему наследника престола. Доротея, блистательно исполнявшая роль посланницы, была очарована обаянием, жизнелюбием, широтой ума и любознательностью принца. С тех пор между ними установились самые доверительные отношения. Визит прошел успешно, и герцог Орлеанский с восторгом писал отцу о своем пребывании в Лондоне. Луи Филипп в свою очередь выразил князю и герцогине Дино признательность за столь радушный прием: “Герцог просил меня передать Вам и особенно г-же Дино, как он тронут всем тем, что Вы для него сделали”²⁵.

Доротея, отличавшаяся завидной наблюдательностью, фиксировала все, что видела в Лондоне. О юной принцессе Виктории, которой через три года суждено было стать королевой Англии, она писала в 1834 г.: «Принцесса Виктория всего лишь дважды появлялась на “Drawing-rooms”, устраивавшихся по случаю дней рождений короля и королевы... Эта юная принцесса многому научилась за последние три месяца. Ее манеры совершенны, и однажды она станет вполне прелестной, почти хорошенькой”²⁶.

Главной заслугой князя на посольском посту в Лондоне являлось урегулирование в 1832 г. опасного для европейского мира голландско-бельгийского конфликта, связанного с отделением Бельгии от Голландии и образованием самостоятельного Бельгийского государства. Действия Талейрана король Луи Филипп оценил как блистательный успех французской дипломатии, и возникла мысль о назначении его первым министром (после смерти от холеры Казимира Перье в мае 1832 г.). Однако старый князь решил, что в Лондоне ему спокойнее. Это решение было принято не без участия Доротеи, категорически возражавшей против возвращения во Францию. Приехавшему из Парижа депутату парламента, впоследствии министру Шарлю Ремюза, который, прежде чем увидеть Талейрана, более двух часов беседовал с Доротеей²⁷, она заявила: “Вы хотите сделать Талейрана главой правительства? Не тратьте усилий на то, чтобы его убедить. Ему это не нужно, он абсолютно не желает этого, а если бы и пожелал, то я бы ему помешала”²⁸. После беседы Ремюза заметил, что “приговор вынесен”, он ему подчиняется и проинформирует об этом министра иностранных дел маршала Ф.-О. Себастьяни. Таким образом, Доротея выступила в роли судьи, чей вердикт являлся окончательным и обжалованию не подлежал. Впрочем, вполне возможно, предложение о премьерстве было просто жестом вежливости со стороны короля.

Завершив эпопею с Бельгией, Талейран почувствовал себя уставшим и больным. В феврале 1834 г. ему исполнилось 80 лет, и он уже в полной мере ощущал свой возраст. Кроме того, к этому времени в положении князя в Лондоне произошли большие перемены. Руководитель Форин оффис Г. Дж. Пальмерстон, испытывавший неприязнь к престарелому дипломату, был с ним высокомерен и неучтив. Талейрану приходилось часами просиживать в приемной министра. Пальмерстон позволял себе оскорбительные выходки в его адрес и упорно отказывался от посещений французского посольства.

Перед расставанием с французским послом лорд Пальмерстон устроил прощальный ужин. Как иронично заметила герцогиня Дино, “это в его вкусе; ему доставляет удовольствие чествовать отъезжающих”²⁹.

В августе 1834 г. Талейран наконец-то покинул Лондон, формально отправившись в отпуск. Это была обычная практика, поскольку лето и осень он ежегодно проводил

²⁴ Ibid., p. 1358.

²⁵ Dupuy M. Op. cit., p. 285.

²⁶ Dino D. Op. cit., t. 2, p. 93.

²⁷ Ibid., t. 1, p. 18.

²⁸ Цит. по: Лодей Д. Талейран: главный министр Наполеона. М., 2009, с. 450.

²⁹ Dino D. Op. cit., t. 1, p. 214.

во Франции. И всякий раз перед ним вставал вопрос о возвращении в Лондон. За день до отъезда из Англии Дино вручила ему письмо, где были такие слова: “Не торгуйтесь с публикой. Навяжите ей свое решение, не поддавайтесь ей; заявите сами, что Вы стары, чтобы Вас не находили постаревшим; скажите всем с достоинством, просто: час пробил!”³⁰.

Письмо Доротеи – это настоящая аналитическая записка о состоянии английско-го и французского общества, о двусторонних отношениях. Доротея эмоционально призывает князя уйти на покой, а также подробно описывает сложившуюся ситуацию, аргументируя необходимость отставки: “Что мы видим в Англии? Общество, разделенное партийным духом, возбужденное всяческими страстями... безвольного короля, находящегося под влиянием министра, о котором Вы можете только сожалеть (имеется в виду лорд Пальмерстон. – *Н.Т.*). Этот министр, ловкий, высокомерный, спесивый, не имеющий никакого уважения ни к Вашему возрасту, ни к Вашему положению, будет и дальше чинить Вам препятствия. Он стремится к тому, чтобы достичь триумфа своих собственных идей, а вовсе не понять Ваши... Разве с таким человеком, по отношению к которому Вы долгое время держались так достойно, Вам стоит сохранять отношения?”³¹.

В столь же мрачных тонах герцогиня описывала и политическую ситуацию во Франции: “А что правительство, которое Вы представляете? Мелочность, бестактность, тщеславие, интриги царствуют в Париже. Только Ваше положение в Лондоне позволило Вам подняться над ними. Но Вы утвердились здесь вовсе не с помощью наших мелких министров... Четыре года назад Вы прибыли сюда не для того, чтобы сделать состояние, карьеру, репутацию; все это давно у Вас было... Вы прибыли сюда, чтобы оказать услугу своей стране! Рискованная затея для Вашего возраста!.. Вы сделали все, что могли; теперь Вы могли бы только ослабить значимость сделанного... Такому человеку, как Вы, принадлежащему истории, не стоит помышлять о другом будущем, кроме того, которое ему уготовано. История судит более сурово, Вы это знаете, финал жизни, чем ее дебют”³².

20 августа Доротея записала: “Вчера г-н Талейран покинул Лондон, вероятно, чтобы больше сюда не вернуться; по крайней мере, он сказал именно так”³³. Спустя несколько дней и она покинула Лондон, а 24 августа написала из Дувра: “Прощай, Англия, но не прощайте воспоминания о четырех прекрасных и так быстро пролетевших годах, проведенных здесь... Прощай, доброжелательная земля, которую я покидаю лишь с сожалением и благодарностью!”³⁴.

Четыре года, проведенные Талейраном и Доротеей в Лондоне, были не только апофеозом карьеры самого известного дипломата своего времени, но и временем столь же исключительного и глубокого согласия между ними.

26 августа Доротея прибыла в Париж, где ее уже ждал князь. “Он мне сообщил, что Франция произвела на него весьма печальное и тягостное впечатление; однако он доволен дворцом (Тюильри. – *Н.Т.*), где он, похоже, в моде. По его словам, он настолько популярен в Париже, что прохожие останавливались перед его каретой и снимали шляпы; но, несмотря на все это, он повторяет, что никого здесь не знает, что ему здесь скучно, что все постарели, износились”, – писала Доротея на следующий день³⁵.

В этот день герцогиня была приглашена Луи Филиппом в его летнюю резиденцию в Сен-Клу. Король долго разговаривал с ней. По ее словам, “может быть, даже слишком долго”³⁶. Однако, заметила она, “это был очень содержательный разговор, потому

³⁰ Ibid., p. 225.

³¹ Ibid., p. 221–222.

³² Ibid., p. 222–223, 224.

³³ Ibid., p. 225.

³⁴ Ibid., p. 231.

³⁵ Ibidem.

³⁶ Ibidem.

что король, которому интересно и важно всё, говорил обо всем: о нынешней Англии... о вызвавшей здесь огорчение отставке лорда Грея... об интервенции в Испанию, потом о саллическом законе, наконец, о том, что происходит сейчас. Обо всем этом король говорил и говорил очень хорошо³⁷.

В другом письме, от 30 августа, Дино дала весьма точную характеристику Луи Филиппу: «Король является самым способным человеком во Франции. Он обо всем говорит очень хорошо, долго, красиво; он прислушивается к другим, по крайней мере, ему кажется, что у него это получается»³⁸. Что же касается столичного общества, то ее впечатления были следующими: «Какие все возбужденные и занятые в Париже! Как работают умы! Спокойствие неведомо здесь! Однако прогресс, улучшения очевидны, но без постоянства, без меры!»³⁹.

Во время своего короткого пребывания в Париже Дино дала множество ужинов, один из них – в честь герцога Орлеанского, приглашенного в Валансе. В начале сентября герцогиня отправилась в Рошкотт, и там откровенно скучала. «Моя здешняя жизнь, – писала она 8 сентября, – не является ни политической, ни общественной; она не может вызывать никакого интереса»⁴⁰. 10 сентября она была уже в Валансе, где ее ждали Талейран и дочь Полина. Отсюда же 13 ноября князь отправил в министерство иностранных дел письмо с просьбой об отставке⁴¹, а 23 ноября – письмо Луи Филиппу. Отставка была принята. 7 января 1835 г. послом Франции в Великобритании стал маршал Себастьяни.

В Валансе князь чувствовал себя лучше, чем в Париже. И не только потому, что находился в одном из самых красивых и тихих уголков Франции. В то время как за рубежом расточали похвалы «князю дипломатии» – на добрые слова в его адрес не поскучились герцог Веллингтон, князь Меттерних и даже Николай I, – в самой Франции его с не меньшим единодушием поносили. Иногда хула перехлестывала через край. Досталось Талейрану и от знаменитой писательницы Жорж Санд, его соседки по Валансе, которая 27 сентября 1834 г. нанесла князю неожиданный визит.

Не знакомая прежде с писательницей Доротея довольно образно описала эту встречу: «Возвратившись вчера с прогулки, мы обнаружили, что в замке полно посетителей, мужчин и женщин, приехавших на почтовых и с любопытством осматривающих все вокруг. Управляющий нам сказал, что это г-жа Дюдеван с Альфредом де Мюссе и компанией. Имя Дюдеван мне ни о чем не говорило... пока мне не объяснили, что г-жа Дюдеван – это не кто иной, как автор “Индианы”, “Валентины”... Жорж Санд, одним словом!.. Она живет в Берри, когда не колесит по миру, что часто случается. У нее есть замок недалеко от Ла Шатра, где круглый год живет и занимается сельским хозяйством ее муж. Он воспитывает двоих детей от этой виртуозной женщины... Она часто носит мужской костюм, но вчера была не в нем. Войдя в свои апартаменты, я нашла всю эту компанию беседующей с Жозефом (консьержем Валансе. – *Н.Т.*), чего я не допускаю, когда нахожусь в замке. Несмотря ни на что, я хотела быть вежливой с соседями: сама показала им апартаменты, провела до большой залы, где героиня труппы, увидев мой портрет кисти Прюдюма, сочла себя обязанной сделать мне комплимент. Она маленькая, смуглая, внешность незначительная, ей между 30 и 40 годами. У нее красивые глаза, претенциозная прическа... Тон речи резкий, рубящий, суждения об искусстве – не терпящие возражений... Язык при этом утонченный. В целом облик не особенно грациозный. Остальные из ее компании, по крайней мере, внешне одинаковы, поскольку не произнесли ни слова»⁴².

³⁷ Ibidem.

³⁸ Ibid., p. 237.

³⁹ Ibid., p. 234.

⁴⁰ Ibid., p. 241.

⁴¹ Поскольку после министерского кризиса ноября 1834 г. новый кабинет еще не был сформирован, Талейран адресовал свое письмо не конкретному, а потенциальному министру иностранных дел.

⁴² *Dino D. Op. cit., t. 1, p. 247–248.*

После этого визита Жорж Санд опубликовала во влиятельном журнале “Обозрение двух миров” полную неоправданной злобы статью, в которой назвала Талейрана развратником, рептилией, монстром, человеком, “рожденным для больших пороков и мелких делишек”. Князь был шокирован. Ни он, ни Доротея не посчитали нужным отвечать, но странный поступок их гости, безусловно, внес весомый вклад в кампанию по очернительству Талейрана.

Насмешки касались не только князя, но и Доротеи, хотя такие неофициальные отношения, как у нее с Талейраном, были в принципе распространены в тогдашнем обществе. Несмотря на внешне блестящее положение и независимость от досужих сплетен, герцогиню подобные насмешки задевали. “Из Парижа пишут, что в одном периодическом журнале появилась очень гнусная статья обо мне и г-не Талейране. Вот уже много лет я страдаю от брани, пасквилей, гадостей, клеветы и мерзостей, и так будет всю оставшуюся жизнь, – негодовала она в письме из Валансе 1 ноября 1834 г. – Обитая в доме г-на Талейрана и пользуясь его благосклонностью, как мне избежать распушенности прессы, ее атак и ее гнусностей, если мы живем в самую пасквильную, самую тщеславную эпоху? Я очень долго к этому привыкала; это ужасно унижало и потрясало меня, я очень страдала от этого и не могла оставаться равнодушной.... Тогда я приняла решение никогда не читать ничего подобного... Я не хочу знать о том плохом, что думают, говорят и пишут обо мне и моих друзьях... Если речь идет о моих ошибках, я их признаю и постараюсь забыть. Что касается клеветы, то она мне отвратительна, я недостойна ее, и я не понимаю, почему я должна спокойно наблюдать, как выливают грязь на любимых и дорогих мне людей. Если можно было бы с этим бороться, то в добрый час; надо все это читать, чтобы быть в состоянии ответить; но поскольку ответить – значит опуститься до этого уровня, я предпочитаю молчать и избегать этого ужасного и бесплодного знания”⁴³.

31 декабря Доротея подвела итоги года: “Ну вот и заканчивается 1834-й, памятный год в моей жизни, поскольку завершилась часть моего существования, связанная с Англией. Эти четыре года перенесли меня в иной мир. У меня появились новые точки опоры, интерес к новым идеям; изменилось мнение света обо мне. То, чем я обязана Англии, я надеюсь, останется со мной навсегда. Сейчас надо собраться с силами в ожидании худших дней, которые, вероятно, не заставят себя ждать”⁴⁴.

Между тем салон Доротеи в Париже быстро превратился в один из центров светской жизни. Завсегдатаями в нем были ведущие политики и дипломаты П. Руайе-Коллар, Ш.-А. Поццо ди Борго, Л. Моле, А. Тьер и наследник престола герцог Орлеанский.

С Тьером Дино была знакома еще со времен Реставрации и всегда ему симпатизировала. Тогда он слыл молодым человеком, подававшим большие надежды, и перед ним открывались двери всех салонов. Однако в 1833 г. Тьер женился на Элизе Дон, происходившей, как и он сам, из буржуазной среды. В обществе этот брак был воспринят неоднозначно. Аристократы вроде княгини Ливен, покоренные умом, энергичностью и политическими успехами самого Тьера, принимать его жену с ее буржуазными манерами, угрюмым нравом и неумением держаться с подобающей учтивостью не имели ни малейшего желания.

Аналогичного взгляда придерживалась и герцогиня Дино, но вскоре ее отношение к Элизе несколько смягчилось. Как раз после свадьбы Тьера Дино и Талейран, находившиеся в отпуске во Франции, были приглашены им на семейный ужин, где присутствовала и семья его супруги. Любовь и нежность, проявляемые Тьером к юной жене, сначала только раздражали Доротею. Однако в ходе беседы она прониклась симпатией к его теще и тестю, и семейство Тьеров – Донов получило приглашение в Валансе, где и провело несколько дней. Впоследствии Доротея весьма снисходительно относилась к жене Тьера, проявляла дружелюбие к ее родителям, к которым испытывала истинное уважение⁴⁵.

⁴³ Ibid., p. 268–269.

⁴⁴ Ibid., p. 311.

⁴⁵ *Dupuy M. Op. cit.*, p. 288.

Тем не менее Тьер, этот “дьявол в очках”, и потом побаивался Доротею. К примеру, в день своего приема в Академию, 13 декабря 1834 г., зная об отношении знатных дам к г-же Тьер, он специально проследил за тем, чтобы ее посадили подальше от герцогини Дино. Само заседание прошло превосходно. Доротея была всецело на стороне Тьера. Она писала: “Г-н Тьер казался настолько маленьким в окружении Вильмена, Кузена⁴⁶ и некоторых других, что, когда он вошел, его даже не заметили; на него обратили внимание только тогда, когда он начал говорить. Говорил он высоким голосом, мало жестикулируя, не слишком быстро. Он был бледен как смерть и в первый момент дрожал всем телом. Но это ему шло больше, чем заносчивость, в чем его часто упрекали. Несмотря на плохое звучание, его голос не резал слуха, не был ни монотонным, ни визгливым, и даже, более того, леди Гланрикард (с которой Доротея отправилась на заседание. – *Н.Т.*) нашла его красивым! Г-да Талейран и Руайе-Коллар сидели напротив него, и, казалось, он говорит только для них! Его речь имела оглушительный успех. Я не знаю, говорил ли он академично... но, вне всякого сомнения, он говорил как политик, и у него это скорее импровизация, чем лекция”⁴⁷.

А вот как Дино передала реакцию коллег Тьера на его выступление: “Мне сообщили, что во время выступления Тьера г-н де Брой пытался деланно шутить; г-н Гизо был насуплен и, я полагаю, не особенно рад видеть двойной успех своего соперника – политический и литературный”⁴⁸.

Утверждали даже, что в начале 1836 г. Дино вместе с княгиней Ливен пытались интриговать против министерства герцога де Броя, чтобы провести Тьера на пост главы кабинета. Но, как замечала мадам де Буань, Ливен и Дино “ввязались в эту интригу, чтобы убить время и не потерять форму. Они превозносили Тьера в дипломатическом корпусе и в обширной переписке, поддерживаемой обеими с иностранными дворами”⁴⁹. Как бы то ни было, 22 февраля 1836 г. Луи Филипп призвал Тьера к власти в качестве первого министра.

Через год после возвращения Талейрана во Францию создалось ощущение, что князь и не уходил в отставку. Луи Филипп и Аделаида продолжали советоваться с ним по вопросам формирования нового кабинета, выбора невесты для герцога Орлеанского, обустройства дворцов и замков и пр. Талейран помогал королю составлять речи, которые тот произносил на открытии палат. 30 декабря 1835 г. Доротея записала, что накануне встретила г-жу Аделаиду, очень довольную тем, как прошло заседание открытия палаты. Речь короля имела большой успех. Слова Аделаиды доставили Доротею большое удовольствие, поскольку Луи Филипп вставил в свою речь фрагменты фраз, предложенных Талейраном и ею самой⁵⁰.

Между дамами – хозяйками салонов, разумеется, существовала конкуренция. Доротея сдержанно отзывалась о салоне мадам де Буань, славившейся умением соединять в пространстве салона политиков разных взглядов. “У мадам де Буань, – комментировала Доротея, – принимающей каждый вечер, прежде всего занимаются политикой, только о ней и говорят. Однако эти разговоры мне показались натянутыми, весьма неудобными из-за прямых вопросов, доходящих до бестактности, задаваемых прямо в лоб... Я отвечала, смеясь, что не ожидала, отправляясь на такой прекрасный вечер, оказаться на допросе”. В итоге, несмотря на исключительное внимание хозяйки, Дино с облегчением покинула ее салон⁵¹.

Поскольку в годы Июльской монархии политика была в моде, модным местом являлась и Палата депутатов, заседания которой были открыты для широкой публики, в том числе и светских дам. Чаше всего дамы приходили на заседания, чтобы

⁴⁶ В. Кузен, А.-Ф. Вильмен – министры короля Луи Филиппа.

⁴⁷ *Dino D.* Op. cit., t. 1, p. 301–302.

⁴⁸ *Ibid.*, p. 302.

⁴⁹ *Boigne É.-A.* Op. cit., t. 2, p. 519.

⁵⁰ *Dupuy M.* Op. cit., p. 298.

⁵¹ *Dino D.* Op. cit., t. 1, p. 300.

послушать парламентских знаменитостей. В те дни, когда выступали А. Ламартин и П. Берье, дамы брали трибуны приступом: число слушательниц увеличивалось в три раза по сравнению с обычными днями⁵². На одно из таких заседаний, где должен был выступать Луи Моле, герцогиня Дино пришла в сопровождении своей сестры Вильгельмины, герцогини Саган. Граф П.П. Пален, посол России во Франции и кузен Доротеи, любезно предоставил им свои билеты (на заседания приобретались билеты, как в театр). Здесь же присутствовала и княгиня Ливен. Когда-то и княгиня Ливен, и герцогиня Саган были возлюбленными князя Меттерниха. Несмотря на то, что это были дела давно минувших дней, Вильгельмина сделала вид, что не замечает княгиню. “В Палате, – записала Дино, – я увидела г-жу Ливен. Они с моей сестрой избегали смотреть друг на друга. Не будучи знакомы, они заочно друг друга ненавидели”⁵³.

Князь Талейран все больше слабел. С самого начала 1838 г. его здоровье стало давать сбои. Письма Доротеи того периода можно назвать хроникой состояния здоровья Талейрана.

3 марта состоялось его последнее публичное выступление: он произнес речь в Академии нравственных и политических наук, посвященную Ш.-Ф. Рейнгарду, своему бывшему подчиненному и дипломату. Доротея пыталась отговорить князя от этой затеи, но он заявил: “Это мое прощание с публикой, и ничто мне не помешает сделать это”⁵⁴. Дино волновалась: в тот день шел ледяной дождь, а кроме того, выступление могло породить у князя волну эмоций. Так и случилось. 4 марта она отмечала: “Г-н Талейран очень возбужден и слаб сегодня утром... Я боюсь, что этот успех будет стоить ему очень дорого”⁵⁵. Выступление, действительно, имело большой успех. Особый восторг публики вызвал тот факт, что Талейран прочел речь без очков.

Однако в целом появление на публике благотворно сказалось на состоянии здоровья князя. По словам Доротеи, он воспрянул духом, строил проекты путешествия, собираясь посетить Ниццу следующей зимой. Но 28 апреля умер его младший брат, герцог Талейран, и это событие подкосило князя⁵⁶. Именно в этот момент он решил по совету Доротеи примириться с католической церковью.

Герцогиня Дино оставалась с князем до его последнего вздоха. 17 мая в 15.35 в своем особняке на улице Сен-Флорантен он ушел из жизни. Согласно французскому обычаю, Доротея и Полина не присутствовали на церемонии публичного прощания с Талейраном, состоявшейся 22 мая. Не было ее и на его погребении в Валансе 6 сентября 1838 г.⁵⁷

Первое время после смерти князя Дино занималась делами, связанными с наследством, долгами, бумагами. Несмотря на, казалось бы, огромное состояние Талейрана, сумма которого никогда никому точно не была известна, в последние годы оно заметно поубавилось. По сути, все наследство Доротеи составили особняк на улице Сен-Флорантен и его содержимое. Она решила продать этот дом по причинам как финансовым, так и психологическим, понимая, что отныне не сможет быть там счастлива. 3 июля 1838 г. особняк купил за 1 млн 181 тыс. франков барон Джеймс Ротшильд. Огромная библиотека князя была распродана. Княгиня Ливен сняла у Ротшильда апартаменты, чем сильно обидела Доротею.

Последующие пять лет жизни Доротея проводила между Францией и Германией, пока не решила наконец обосноваться на земле, где прошло ее детство. Но и там ее никогда не покидало ощущение, что Талейран где-то рядом.

⁵² *Мартен-Фюжсье А.* Элегантная жизнь, или Как возник “весь Париж”. 1815–1848. М., 1998, с. 229.

⁵³ *Dino D.* Op. cit., t. 2, p. 205. (Как считает Ж. Аното, опубликовавший переписку Меттерниха и Ливен, именно канцлер настраивал двух женщин друг против друга.)

⁵⁴ *Ibid.*, p. 242.

⁵⁵ *Ibid.*, p. 215.

⁵⁶ *Ibid.*, p. 243.

⁵⁷ *Ibid.*, p. 247.

Герцогиня вела активную светскую жизнь. 20 октября она записала, что накануне вместе с Полиной была в Комеди Франсез – слушала “мадемуазель Рашель, о которой столько сейчас говорят”. Действительно, начиная с 1838 г. Рашель пользовалась огромной популярностью. Когда в марте 1840 г. артистка явилась на заседание Палаты депутатов, это стало подлинной сенсацией. Между тем Дино новая звезда не понравилась: “Я вовсе не была очарована: играли очень плохо, м-ль Рашель чуть лучше других, вот и все”⁵⁸.

“Хроника” Доротеи – это зарисовки парижской жизни – как светской, артистической, так и политическо-дипломатической. Так, она приводит содержание письма сына, сообщающего о пребывании в Париже графини М.Д. Нессельроде, супруги российского вице-канцлера. В письме говорилось, что графиня не бывает при дворе (этого не мог допустить император Николай I, не желавший, чтобы его подданные представлялись “королю-узурпатору” Луи Филиппу) и, соответственно, в высшем свете, “но ведет холостяцкую жизнь и восхитительна в своих безумствах”. Как заметила герцогиня, она “не уверена, что графу Нессельроде понравится такое поведение”⁵⁹.

Жизнь шла своим чередом, радостные события сменялись печальными. 9 апреля 1839 г. вышла замуж за Анри Кастеллана, сына будущего маршала Кастеллана, ее дочь Полина. 29 ноября того же года после долгой болезни в Вене умерла Вильгельмина Саган. Имение Саган она завещала сестре Полине, которая, однако, им не интересовалась и поручила управление третьему мужу и вдовцу Вильгельмины. Доротея, сохранившая теплые воспоминания о редких, но долгих пребываниях в Сагане с отцом, решила выкупить замок у сестры, но этот проект ей удалось реализовать только спустя пять лет. В том же месяце Бакур был назначен послом в Вашингтон, что опечалило Доротею. После рождения у Полины 19 февраля 1840 г. дочери Марии-Доротеи Дино решила совершить большое путешествие по Пруссии, о котором давно думала.

Впервые после 1816 г. она оказалась в Вене в 1841 г. Меттерних и венское общество устроили Доротее роскошный прием, однако ей более импонировал Берлин. Ее раздражала венская фамильярность: “20 человек, разговаривавших со мной или обо мне, называли меня Доротеей; особые формалисты – дорогой герцогиней, никто – ни мадам, ни мадам герцогиней; и я вообще удивилась, что у меня еще не отвалились руки; щеки, подставляемые вместо губ, подверглись усиленной бомбардировке”⁶⁰.

Доротея относилась к тому редкому типу женщин, чья красота с возрастом только усиливается. В свои 50 лет она, по отзывам современников, была красива и обольстительна, как никогда. Блеск ее черно-голубых глаз не померк, стан не утратил грациозности девушки, увлеченной танцами и верховой ездой. Она пользовалась уважением в обществе и в свою очередь обладала даром раскрывать в людях качества, достойные внимания. “Герцогиня Дино так хороша и молода, что это просто невероятно”, – писала княгиня Ливен⁶¹.

Конечно, у нее было много недоброжелателей, завидовавших ее красоте и обаянию. Однако она прекрасно усвоила уроки великого дипломата Талейрана. Поскольку Доротея часто носила тройную нить жемчуга, злые языки утверждали, что таким образом она скрывает увядающую шею. Зная об этих инсинуациях, на одном из приемов она, снимая мантию, “случайно” задела жемчужную нить: жемчужины рассыпались по паркету и Доротея продемонстрировала всем свою шею во всей ее красоте⁶².

Неудивительно, что в это время она пользовалась особым успехом у мужчин, да и ее сердце было открыто для новых чувств. В начале 1843 г. она познакомилась с 30-летним красавцем князем Феликсом Лихновским. Выходец из старинной силез-

⁵⁸ Ibid., p. 259.

⁵⁹ Ibid., p. 415.

⁶⁰ Bernardy F. de. Op. cit., p. 234.

⁶¹ Цит. по: *ibid.*, p. 243.

⁶² Ibid., p. 262.

свой семьи, младший внук Карла, князя Лихновского, мецената Бетховена, Феликс сам был страстным музыкантом, дружил с Ференцем Листом. Его мать, мадьярка из рода Зичи, приходилась родственницей Мелани Зичи, жене князя Меттерниха. Несмотря на разницу в возрасте – а Феликс был моложе сыновей Доротеи, – их влекло друг к другу с первой встречи. Сыграли свою роль и схожесть характеров, литературные, художественные и политические пристрастия. Чаще всего они проводили время в Нижней Силезии, в Гюнтерсдорфе, очаровательной неофициальной резиденции, приобретенной матерью Доротеи в 1807 г. Дино встречала князя на железнодорожной станции в карете, запряженной шестеркой лошадей. В Пруссии и Австрии об этой связи хорошо знали, во Франции же о ней словно бы не подозревали или закрывали на нее глаза.

В апреле 1844 г. Доротея официально вступила во владение замком Саган. 6 января 1845 г. к ее многочисленным титулам прибавился очередной – герцогини Саган. Помимо главного города Сагана, насчитывавшего 7 тыс. жителей, она стала собственницей 4 городков и 171 деревни с 8 тыс. жителей. В Сагане было шесть церквей, из них пять католических. Каждый дом платил сеньориальный налог, герцогиня обладала правом сеньориальной юрисдикции, от нее зависели полиция и распределение церковных бенефициев.

Замок Саган, построенный в стиле Людовика XIII, состоял из 130 комнат. Доротея принялась за его модернизацию и за два года превратила замок в великолепный дворец наподобие Валансе или столь любимых ею английских особняков. У нее были великолепные экипажи, многочисленная и вышколенная прислуга; во время возвращения с охоты дорога до замка иллюминировалась. Дино проявила себя как рачительная хозяйка. Она активно занималась также делами благотворительности – основала школу, приют для беспризорных детей, больницу, восстановила церковь Крейцкирхе, построенную в неоготическом стиле.

Безусловно, герцогиня была богата и могла себе позволить вести поистине королевский образ жизни. Это никого не удивило бы в Париже или Лондоне, но в Берлине с его двором без блеска и часто небогатой аристократией ее нескрываемое богатство вызывало раздражение, так же как покровительство, которое оказывал ей Фридрих-Вильгельм IV. Он ежегодно навещал Саган. Частыми гостями замка были Шопен, Ференц Лист и, конечно же, Феликс. Однако счастью Доротеи не суждено было длиться долго. Европа вступила в 1848-й год.

Новости о революции во Франции, отречении Луи Филиппа и провозглашении регентства герцогини Орлеанской, а потом о создании Временного правительства стали для Дино полной неожиданностью. 28 февраля герцогиня писала из Берлина: “Позавчера я еще и подумать не могла, что за 48 часов изменится весь порядок вещей”⁶³. Она опасалась, что революционная волна быстро накроет весь континент: “Невозможно найти в Европе ни одного уголка, где можно было бы рассчитывать на длительное спокойствие. Даже Америка, на мой взгляд, не защищена от растления”⁶⁴.

Опасения Доротеи о распространении революции на немецкие земли подтвердились. “Все между Рейном и Эльбой пришло в движение, – уже 14 марта отмечала она, – военных лишили отпусков и ожидают народных волнений... Наилучший выход – свободно и быстро принять конституцию; если медлить, колебаться, изворачиваться, нас ждут неисчислимые кризисы”⁶⁵.

Известия об июньских событиях в Париже также вызвали ее серьезную тревогу. Доротея не столько возмущалась жестоким подавлением восстания, сколько опасалась распространения “красной угрозы”. 6 июля 1848 г. она писала из Сагана: “Мы здесь не менее больны, чем во Франции, и, когда я смотрю на все эти очаги коммунизма, в изобилии существующие в Европе, я не могу закрывать глаза на угрожающую нам

⁶³ *Dino D.* Op. cit., t. 3, p. 330–331.

⁶⁴ *Ibid.*, p. 331.

⁶⁵ *Ibid.*, p. 335.

опасность. Тем более я далека от мысли, что коммунизм можно победить методами, применяемыми... генералом Кавеньяком в Париже”⁶⁶.

Между тем волнения охватили и Силезию. В Сагане восставшие окружили ратушу. Опасаясь захвата замка крестьянами, Дино приняла меры к его укреплению. “Меры предосторожности приняты, – отмечала она, – вооруженная защита организована, и, если нужно будет погибнуть, это произойдет в борьбе. Я не сбегу, лично я ничего не боюсь, потому что моя жизнь мне глубоко безразлична; и потом всегда нужно быть смелой и решительной”⁶⁷. Однако воевать не пришлось: замок пощадили.

Главное несчастье ее ждало впереди: 18 сентября 1848 г. в ходе вооруженных столкновений во Франкфурте-на-Майне погиб князь Феликс, избранный депутатом во Франкфуртский парламент. Свой замок в Гратце, что на территории современной Чехии, в последние минуты жизни он завещал Доротее. Разумеется, она никогда не забывала Феликса, устроила в его замке мемориальные комнаты с вещами князя, но Доротея не принадлежала к тем женщинам, которые до конца своих дней носят траур по возлюбленному.

Постепенно революционная волна начала отступать. 6 декабря 1848 г. Дино писала из Сагана: “Здесь все говорят, будто гроза миновала. Я в этом не уверена; нас еще ждет избирательная горячка, испытание октроированной (дарованной. – *Н.Т.*) конституцией. Все это очень рискованно. По правде говоря, это все же лучше, чем состояние всеобщего разложения и анархии. Однако опасность, изменив свою форму, так быстро не исчезает”⁶⁸.

Она с надеждой и оптимизмом восприняла новость о победе принца Луи-Наполеона на президентских выборах 20 декабря 1848 г.: “Законный путь прихода Наполеона на пост президента Франции доказывает, что идеи порядка и стабильности вернуться в эту страну”⁶⁹.

Впервые в жизни Доротея скучала, признаваясь в письме, что ее “жизнь течет здесь без потрясений, без помех, но и без интересных событий. Дни заполнены множеством незначительных дел”⁷⁰. Ей не хватало прежней активности. Чтобы не впасть в уныние, в 1851 г. она предприняла путешествие во Францию, вновь окунувшись в так привлекавшую ее интеллектуальную атмосферу Парижа.

Новость о государственном перевороте 2 декабря 1851 г. Дино встретила спокойно, надеясь, что Луи Наполеон сможет обуздать коммунистическую опасность, угрожавшую, по ее мнению, всей Европе⁷¹. С одобрением она отнеслась и к известию о том, что Франция вновь станет империей. Еще за месяц до провозглашения Луи Наполеона императором, 26 сентября 1852 г., она писала из Сагана: «Франция станет империей... Та самая Франция, почти весь прошлый год готовая кричать: “Да здравствует демократическая и социальная республика!”, теперь из-за страха согласна кричать другое: “Да здравствует император!” По крайней мере, если Луи Наполеон победит монстра социализма, это надо будет признать спасительным перстом Провидения»⁷².

В последующие годы она продолжала много путешествовать. Ницца, Венеция, Берлин, Орлеан, Рошкотт, Валансе – такова география ее поездок.

Размеренная жизнь в Европе, только восстановившаяся после революций 1848–1849 гг., в начале 1850-х годов вновь оказалась нарушена. Спустя полтора года после установления Второй империи Наполеон III, заявлявший, что империя – это мир, втянул Францию в Крымскую войну. 15 (27) марта 1854 г. Франция и Великобритания объявили войну России.

⁶⁶ Ibid., p. 353.

⁶⁷ Ibid., p. 357.

⁶⁸ Ibid., p. 365.

⁶⁹ Ibid., p. 366.

⁷⁰ Dupuy M. Op. cit., p. 329.

⁷¹ Dino D. Op. cit., t. 4, p. 33.

⁷² Ibid., p. 62.

Крымская война стала серьезным потрясением для герцогини Дино. 29 марта 1854 г. она восклицала в письме Баранту: “Какое зрелище для моих стареющих глаз среди такого возбуждения! Рожденная в 1793 г., я видела взлет и падение Наполеона I, Венский конгресс, Сто дней, Ватерлоо, смерть Людовика XVIII, падение Карла X, длинную череду событий, окончившихся 24 февраля, ужасы 1848 и 1849 гг., и сейчас мы опять накануне войны... Вот что значит слишком долго жить!”⁷³.

В Крымской войне симпатии Доротеи, космополитки по сути, были на стороне России. “Севастополь не взят и сопротивление очень ожесточенное!!!”, – явно радовалась она в письме Баранту из Парижа от 6 октября 1854 г.⁷⁴ По крайней мере, в этих трех восклицательных знаках звучало сочувствие к защитникам города. А если учесть, что ее сына Александра в начале 1855 г. отправили воевать в Крым, то для герцогини это была еще и личная боль.

В Берлине Доротея узнала о смерти императора Николая I. “Мой дорогой друг, – обращалась она все к тому же Баранту 5 марта 1855 г., – Вы так хорошо знали императора Николая, что его смерть не могла Вас не поразить, в том числе и по причине важного влияния, которое это неожиданное событие окажет на судьбы Европы. Вообразите, какое возбуждение данное известие произвело здесь, где это прежде всего семейное дело”⁷⁵. Далее как бы невзначай Доротея спрашивала Баранта, носит ли траур по императору княгиня Ливен. Она хорошо знала историю непростых отношений княгини и императора. По словам герцога Ш.-О. де Морни, сводного брата Наполеона III, Дарья Христофоровна, узнав о смерти государя, произнесла всего лишь одну фразу: “Ну вот, теперь я могу спокойно здесь остаться”⁷⁶.

А война все продолжалась. 14 мая 1855 г. Дино писала: “Ужасный Крым!.. Мы совершенно ничего не знаем относительно ближайших политических решений. Неделю за неделей нет никакой информации. Это наполняет усталостью душу и заставляет сердце страдать”⁷⁷.

Между тем из жизни уходит все больше друзей герцогини. 27 января 1857 г. в Париже на руках Гизо и сына Павла умирает княгиня Ливен. Вряд ли эти две сильные женщины были подругами, хотя их и связывали годы знакомства, тесные контакты, схожие интересы, тем не менее спустя три дня после смерти княгини Доротея записала: “Несмотря на то, что княгиня Ливен была старше меня на 10 лет, я воспринимала ее как ровесницу... Память о ней связана с самыми плодотворными и насыщенными годами моей жизни, поэтому это событие будет волновать меня до конца дней”⁷⁸.

В письме Баранту от 1 февраля 1857 г. Дино более откровенно высказалась о княгине: “Мой друг, когда Вы вернетесь в Париж, то почувствуете пустоту, образовавшуюся там, я не говорю, что именно по причине отсутствия самой княгини Ливен, но по причине отсутствия ее салона. Однако было бы несправедливо не воздать должное и ей самой. Обычно привлекают грацией, а у нее был только приятный вид; притягивают сердцем, но она не была сердечным человеком. Но ведь можно привлекать умом, возбуждать любопытство и направлять разговор; все это ей удавалось очень хорошо”⁷⁹.

Удивительно, но даже смерть снова переплела судьбы обеих Доротей: княгиня Ливен была похоронена в Межотне, в семейном склепе, рядом с могилами свекрови, мужа и сыновей, – в имении, которое прежде являлось родовым гнездом герцогини Курляндской, матери Доротеи Дино.

⁷³ *Barant P. Souvenirs du baron de Barante. 1782–1866, v. 1–8. Paris, 1890–1901; t. 8, p. 60–61.*

⁷⁴ *Ibid.*, p. 83.

⁷⁵ *Ibid.*, p. 100.

⁷⁶ *Dino D. Op. cit.*, t. 4, p. 184.

⁷⁷ *Barant P. Op. cit.*, t. 8, p. 104.

⁷⁸ *Dupuy M. Op. cit.*, p. 333.

⁷⁹ *Barant P. Op. cit.*, t. 8, p. 155.

Со смертью Ливен Гизо потерял женщину, которую любил на протяжении 20 лет. Однако, потеряв одну Доротею, он мог обрести вторую. По крайней мере, так думала герцогиня Дино. Она давно симпатизировала Гизо (хотя в начале 1830-х предпочитала ему Тьера). Во время Февральской революции 1848 г., когда Гизо был вынужден эмигрировать из Франции, Доротея предложила ему укрыться в Сагане, но Гизо с Ливен предпочли английский Ричмонд.

Смерть Дарьи Христофоровны позволила герцогине быть более свободной в выражении своих чувств. “Я очень много думаю о Вас... – писала она Гизо 11 февраля, – есть в сердце потаенные дверцы, которые вдруг открываются, если в них постучаться”⁸⁰. С этого времени Дино и Гизо были в постоянной переписке. В сентябре 1857 г. Доротея писала ему: “Вы всегда были очень благожелательные ко мне. Зачастую наши мнения по самым разным вопросам совпадали. Долгие часы моей жизни отмечены прелестью наших разговоров и воспоминаний, связанных с самыми важными и насыщенными годами моего прошлого”⁸¹. Когда в начале 1858 г. тяжело заболела Полина, дочь Доротеи, и она из Ниццы приехала в Париж, Гизо был очень внимателен к ней.

В это время у герцогини начинаются серьезные проблемы со здоровьем. Она теряет энтузиазм, интерес к жизни, впадает в меланхолию. Будущее кажется ей безрадостным.

Очень потрясла ее и смерть прусского короля Фридриха-Вильгельма IV в январе 1861 г. А в конце июня недалеко от Сагана с герцогиней произошел несчастный случай: лошади, напуганные ужасной бурей и сильным градом, понесли, и карета опрокинулась в придорожную канаву. С этого дня здоровье Доротеи стало быстро ухудшаться. Медики полагали, что у герцогини ишиас и брюшная невралгия, но, скорее всего, она страдала от рака печени либо заболевания желчного пузыря.

Дино не хотела, чтобы друзья и родственники воспринимали ее как больную старую даму. Она жила в окружении внуков и сына, герцога Валансе. “Но окружающая меня юность не говорит со мной о прошлом, – сетовала она. – А в моем возрасте прошлое – это и есть сама жизнь, прибежище мысли и воспоминаний”⁸². Она скучала без прошлой жизни, без того круга людей, в который ее ввел князь Талейран. Еще 24 сентября 1857 г. она писала Баранту: “Не жалуясь на мои семейные узы, я уверена в том, что кровное родство не может заменить родства душ и ума... Эта неполнота является моим естественным здешним состоянием”⁸³.

В ее письме Баранту от 17 декабря 1860 г. снова звучат грустные ностальгические нотки: “В юности я мечтала о замке, объединившим бы всех любящих и понимающих друг друга людей. Их всегда было немного. Вот уже близится закат жизни, а первый камень в фундамент моего замка так и не заложен. У меня только и осталась надежда на воссоединение в вечности. Где найти спокойствие в мире?.. Говорят, надо закрыть глаза и уши и возвыситься сердцем; это хороший совет, но как ему последовать?”⁸⁴.

В ноябре 1861 г. Доротею навестил новый прусский король Вильгельм I с супругой. Однако визит коронованных особ ее не воодушевил – здоровье ухудшалось, и в течение нескольких недель она даже не могла отвечать на письма. Бакур, видя состояние Доротеи, решил провести зиму в Сагане.

Следуя советам медиков и родных, летом 1862 г. герцогиня отправилась на воды Эмса, потом Шлангенбада, но это лишь обострило ее болезнь. 13 июля она писала Баранту: “Дорогой друг, я очень страдаю, я едва могу писать... В Эмсе мне было плохо. Не думаю, что в Шлангенбаде станет лучше... Еще две недели я пробуду здесь и вернусь к своим пенатам в худшем состоянии, чем уезжала. Мне остается только

⁸⁰ Dupuy M. Op. cit., p. 333.

⁸¹ Ibid., p. 334.

⁸² Barant P., Op. cit., t. 8, p. 340.

⁸³ Ibid., p. 170.

⁸⁴ Ibid., p. 304.

укрыться, страдать, вспоминать и ждать, готовясь к тому, что может произойти. У меня есть воля, но будет ли ее достаточно?”⁸⁵.

20 сентября 1862 г. Гизо, последний рыцарь Доротеи, сообщал Баранту: “Г-жа Талейран умирает в Сагане. За последнее время она написала мне лишь несколько карандашных строк. Теперь она не пишет вовсе, и новости, доходящие до меня, все более и более тревожные. Она очень страдает. Это редкая и возвышенная натура”⁸⁶.

Гизо не знал, что еще накануне, 19 сентября 1862 г., Доротея Дино скончалась. Она была похоронена в Сагане, в часовне, построенной ею возле замка, рядом с сестрой Вильгельминой и сыном Луи, хотя хотела бы обрести вечный покой в Валансе, рядом с Талейраном.

Доротея Дино вызывала у современников самые противоречивые чувства: если мужчины восхищались ее красотой и умом, то отношение женщин определялось чувством зависти к ее положению в обществе и богатству. Если Талейран и Бакур долго и преданно ее любили, то родные – мать, сестры, даже сыновья – были к ней почти безразличны. В сердечных привязанностях Доротея всегда руководствовалась духовными интересами, разумом или амбициями, а не чувствами. Даже о смерти Талейрана, с которым она провела 22 года, она высказалась очень рационально: “Мне надо было потерять Талейрана на 15 лет раньше или позже. Я же потеряла его в том самом возрасте, когда уже слишком поздно все начинать сначала”.

Недолюбленная в детстве, герцогиня Дино подменяла любовь к другим заботой о них. Она писала Баранту: “Я нуждаюсь в том, чтобы заботиться, жертвовать собой, быть полезной”⁸⁷. Может быть, именно из-за ее рассудочности и рациональности свет, возлюбленные и родственники находили ее бесчувственной и эгоистичной. Интересно, что в отношениях с простыми людьми она была совершенно иной, и жители Сагана искренне оплакивали ее смерть. Но, какие бы противоречивые толки ни вызывала личность Доротеи – герцогини Курляндской, графини де Перигор, герцогини де Саган, в историю она вошла как Доротея Дино – верная подруга, помощница, единомышленница и политическая союзница князя Талейрана.

⁸⁵ Ibid., p. 348–349.

⁸⁶ Ibid., p. 357.

⁸⁷ *Bernardy F. de. Op. cit., p. 290.*